

7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: 1990.
8. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. Москва — 1999; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: Концепция логоэпистемы. — М.: 2000; Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. — М., 1988.
9. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: 1998; Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: 2001.
10. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. — /Труды по знаковым системам. Вып. 12/.
11. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Человек — текст — культура / Под ред. Купиной Н. А., Матвеевой Т. В. Екатеринбург, 1994.
12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: 2001.
14. Там же.
15. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры — М.: 1999.
16. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги тенденции, перспективы / Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 811:37.02

В. А. Маслова

“ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА” И “ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА” И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данном докладе предпринята попытка не только определить, но дифференцировать концептуальную, языковую и поэтическую картины мира.

Хотя термин “картина мира” введен в научный обиход физиками на рубеже XIX – XX-го вв, в гуманитарных науках он возник в работах Л. Витгенштейна, который вполне осознавал метафоричность этого термина и подчеркивал его синонимичность психологическому понятию “образ мира”.

Другие исследователи, например, А. А. Леонтьев, напротив, считает, что понятие “образ мира” ни в коей мере нельзя считать тождественным таким понятиям, как “языковая картина мира” и “когнитивная картина мира” (Леонтьев, 1993, с. 18).

Совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как “языковой промежуточный мир”, то как “языковая репрезентация мира”, то как “языковая модель мира”, то как “языковая картина мира”, то как концептуальная система, индивидуальная когнитивная система и др. В силу большей распространенности мы выбираем термин “картина мира”.

“Картина мира” — это наше представление о реальности; целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и представлений о мире. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — “результат переработки информации о среде и человеке” (Цивьян, 1990, с. 5).

М. Хайдеггер писал, что при слове “картина” мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, “картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина” (Хайдеггер, 1991, с. 103). Мы полагаем, что в дефиниции данного термина в качестве обязательных следует выделить два компонента: мировидение (видение мира, сумма представлений о мире, знания о мире, отражающая способность мышления и т. п.) и деятельностная природа картины мира (познающая деятельность человека, духовная активность, опыт человека).

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что “различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия” (Гумбольдт, 1984, с. 324). Отечественные философы (Г. А. Брутян, Р. И. Павиленис) и лингвисты (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, В. И. Постовалова, Г. В. Рамишвили, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) различают концептуальную и языковую картины мира.

Языковая картина мира предшествует концептуальной и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в языке, прежде всего в семантике и грамматических формах. С другой — человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который детерминирует человеческие структуры мышления и поведения.

Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения: границы между ними “кажутся зыбкими, неопределенными” (Караулов, 1976, с. 271). Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира поэтому постоянно меняется, “перерисовывается”, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит

следы этих ошибок и заблуждений: *солнце садится*, *атом* как мельчайшая частица, фразеологизм *воспарить душой*, который, например, связан с архаическими представлениями о душе, которая в виде пара и могла покидать тело, поднимаясь к небу.

Есть мнения, согласно которым концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира: "Картина мира — то, каким себе рисует мир человек в своей воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира, т. е. та часть концептуального мира человека, которая имеет "привязку" к языку и преломлена через языковые формы" (Кубрякова, 1988, с. 142).

Картина мира — субъектно-объектная категория. Она не зеркально отображает характеристики объективной действительности, а с участием ассоциативно-апперцепционного содержания мышления, которое интериоризирует воспринимаемую индивидом действительность.

Так, например, вместе с языком человек воспринимает нормы наивной этики, которые можно реконструировать на основании сравнения пар слов, близких по смыслу, одно из которых нейтрально, а другое несет негативную коннотацию, например: *хвалить* и *льстить*, *смотреть* и *подсматривать*, *рассказывать* и *хвастаться*, *добиваться* и *домогааться*, *жаловаться* и *ябедничать* и т. п. Анализ подобных пар позволяет составить представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики: "нехорошо преследовать узкокорыстные цели"; "нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей"; "нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки", "нехорошо делать достоянием других какие-то вещи, которые известны только двоим" и т. д.

Языковая картина мира отчасти универсальна, отчасти национально специфична. Так известно, что слова в языке обладают значением и значимостью, по Соссюру, и совпадая в своих значениях, в разных языках они отличаются прежде всего значимостями. Например, *свобода* для русских — это воля вольная, без границ и законов; в западных культурах — *свобода* понимается как возможность беспрепятственно развивать заложенные в каждом человеке возможности; *справедливость* — отражает одну из самых важных этических ценностей в русской ментальности. Слова: "Как судить: по закону или по справедливости?" — непереводимы на европейские языки, для них *честность* и *законность* — синонимы. Справедливым для русских является человек, который занимается распределением благ или наказаний и делает это честно, справедливо: начальник, а не подчиненный, преподаватель, а не студент, судья, не подсудимый. Следовательно, справедливость — это характеристика человека, наделенного полномочиями власти. Соблюдение ценностных ориентаций в обществе — это тоже справедливость. Но фактически справедлив прежде всего тот, кто осуществляет справедливый суд — Бог.

Человек, овладевая речевыми навыками, формирует у себя с детства особое национальное мировидение (картину мира) и даже отличную от других народов эмоциональную систему. Например, повышенная эмоциональность русских репрезентируется обилием восклицательных знаков там, где носитель европейских языков их не поставит: *Здравствуйте!!!*

Таким образом, картина мира любого языка отчасти универсальна и отчасти национально-специфична. Но для сознания ее носителей она представляется не как интерпретация мира, а как двойник мира. Поэтому осознать ее национальную специфику можно лишь при сопоставлении картин мира разных народов. Например, еще О. Шпенглер предложил термин “парасимвол” для представления культуры в пространственной протяженности. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол — дорога; парасимвол арабской культуры — мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение — Пантеон в Риме — построено архитектором-сирийцем); парасимвол русской культуры — бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских представляется пространством: *Жизнь прожить — что поле перейти*.

Сейчас существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т. д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т. д. (Яковлева, 1994, с. 9). Но наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет еще одно направление — поэтическая картина мира народа.

Если языковая картина мира универсальна, а творцом ее является весь народ, то поэтическая — индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя данного народа. Внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая индивидуальная картина мира содержит хотя бы частичку истины, понимаемую каждым по-своему. В. И. Постовалова пишет: “в строгом смысле слова, существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром” (Постовалова, 1988, с. 32).

Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы.

Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира, а поэт. Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской, она в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образная, “очеловеченная” картина, в которой личность поэта предстает как отражение ее существования. Такая картина мира понимается нами как альтернатива миру реальному. Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта, он является результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира являются произведения поэта, их единое текстовое пространство.

В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой проповедь истины, наделенной поэтической энергией. Она не раз спасала человеческие души в трагические для культуры моменты.

Мышление первобытного человека было мифопоэтическим, т. е. поэтическим, именно таким, каким оно являет себя в поэзии. "Зачем вы выбиваете мальчикам при инициации передние зубы? — спрашивает наблюдатель этнограф у вождя племени. "Чтобы его лицо стало похожим на грозовую тучу перед дождем". И это не уход от ответа, они так мыслят. Пример взят у известного этнографа Деметрио Соди. Отсюда предположение, что человеческая речь, появляясь в форме поэзии, выполняет функцию мифосемантического пространства культуры.

Поэтический текст и сейчас лишь очерчивает границы рисуемой им картины мира. А основные цветовые мазки накладывает читатель. Поэзия имеет в себе мудрость, и эту мудрость в одежде красоты легко схватывает словом поэт, но она трудно извлекается из текста.

Поэзия — это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие.

Существует по-детски наивная презумпция непосредственной данности художественного образа сознанию. Но это не так. В интерпретации нуждается все, что находится за пределами индивидуального опыта читателя. Поэтому нужна активная просветительская работа, чтобы неумоимо внедрять в сознание читателя представление о поэзии как о сложно устроенном смысле.

Американский лингвист Сол Сапорта сказал: "Поэзия — это язык независимо от того, чем она еще является". Аналогичную мысль мы встречаем у И. Бродского: "Великая литература — это феномен языка, а не идей". "Поэзия есть искусство слова, и действие, производимое ею, есть тайнодействие слова", — писал А. А. Потебня [Потебня. 2000, с. 61]. О магии слова писал также П. А. Флоренский, слово, с его т. зр., может концентрировать в едином фокусе историческую волю целого народа. Поэт способен оживить слово. Голос поэта, его Слово преобразует мировой хаос в гармонию. В слове целый мир культуры.

Поэт ведет нацию к свету по обманчивым мостам радуги. И каждый это делает по-своему. Так, М. Цветаева, лучший русский поэт XX века, жила в каждом своем слове, утверждая, что у нее не было и нет ни одной строки, которая не была бы продиктована внутренней необходимостью. Некоторые исследователи говорят об "уничтожении слова" М. Цветаевой, но, по сути, это предельное его раскрытие, обнажение таящегося в глубине таинственного смысла.

Нагромождения ударных слогов, ее тире и переносы как бы вбивают кол в слово, привлекают читателя к смыслу. Например:

*По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.*

Здесь нет ни одного подлежащего и сказуемого, но это стихотворение динамично, ибо в нем 4 тире подчеркивают стремительность движения женского

сапожка за мужским плащом. В ее творчестве присутствует поэтическая “чара”, которая позволяет нам услышать музыку ее времени и ее внутренний голос.

Наши наблюдения показывают, что поэт создает виртуальную, а не реальную, концептуальную картину мира, поэтому поэзия (как и литература вообще) не может быть ни учителем жизни, ни толкователем мира. Закончить свой доклад мне хотелось весьма пространной, но верной по сути цитатой Ивана Солоновича: “Психология народа не может быть понята по литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта — и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с 1 стороны, рисовал быт русской знати, и, с другой, отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский — быт деклассированного и озлобленного разночинца, окрашенный в тона писательской эпилепсии. А. Чехов — быт мелкой интеллигенции туберкулезного происхождения. М. Горький — социал-демократического босняка. Л. Андреев — просто свои алкогольные кошмары.

... Всякая литература живет противоречиями жизни — а не ее нормальными явлениями. Всякая настоящая литература есть литература критическая. В тоталитарных режимах нет критики, но нет и литературы. Литература всегда является кривым зеркалом народной души” (Солонович, 2002, с. 17). Хотелось бы добавить: и кривым зеркалом мира.

И еще пример, Зоценко рисовал русского человека придурком, а немцы подсовывали его рассказы своим солдатам утверждая, что такой народ легко победить. Судя по современной поэтической (художественной) картине мира, Россия — это страна, в которой крадут и обманывают, бьют и доносят, в которой все предано и продано, в которой берут, но не дают, а ко всему окружающему относятся с отвращением либо безразличием (Т. Толстая, А. Петрушевская, М. Харитонов и др.). Но мы знаем, что это не совсем так.

Искусство — всегда условность. Жизнеподобность произведения всегда мнимая. В. Набоков: “Реальность — бесконечная вереница шагов, уровней понимания, ложно достигнутого дна, и, следовательно, она недостижима”.

Итак, если языковая картина мира не отражает реальность, а лишь “отображает ее знаковым способом” (Б. А. Серебренников), то поэтическая картина мира искажает реальность, затемняет ее, но одновременно и открывает мир в новом неожиданном свете.

Литература

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., Наука, 1976.
Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
Леонтьев А. А. Психолингвистика. М., 1993.
Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Солонович И. Народная монархия. М., 2002, с. 17.

Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 821.161.1-31'42

Т. А. Яценко

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА "ЦЕЛЬ"
С ДРУГИМИ КУЛЬТУРНЫМИ КОНЦЕПТАМИ
(на материале романа Ф. М. Достоевского
"Преступление и наказание")**

Культурный концепт "Цель", несомненно, относится к числу мировых концептов (Ю. С. Степанов, В. Г. Проскурин, Н. Д. Арутюнова, Г. Е. Крейдлин, Т. В. Радзиевская и др.). Само понятие "цели", занимающее одно из центральных мест в языковой картине мира, обусловило многочисленность лингвистических исследований, посвященных языковым средствам выражения целевых отношений (А. К. Жолковский, И. Б. Левонтина, Т. В. Радзиевская, М. В. Севолодова, Г. А. Золотова, В. М. Брицын, Е. В. Рахилина и др.). Отнесенность "цели" к важнейшим константам русской и мировой культуры и "мировоззренческий" характер концепта объясняет необходимость обращения при его исследовании к работам по теологии и философии. В связи с тем, что языковая реализация концепта, а также обширных областей пересечения с другими концептами исследуется на материале текста романа Достоевского, необходимым оказывается обращение к специальным исследованиям по творчеству писателя (см. список литературы).

В ходе исследования культурных концептов отмечена их взаимосвязь, причем во многих случаях она так тесна, что "их интерпретация скоро замыкается кругом рикошетов" [1, с. 326].

В связи с этим возникает необходимость более полного исчисления концептов, изучения их реализации в дискурсах разных типов, проведение их лингвистического анализа — в синхронии и диахронии. Значительно расширяет представление о концептосфере национального языка в целом обращение к концептосфере великих национальных писателей [18].

Результаты моей работы по изучению явления пересечения важнейших культурных концептов представлены в ряде статей [41-44].

Новизна данного исследования заключается в следующем: